

ТЕКСТЫ ИЗ «БОЛЬШОГО ЧТЕНИЯ»

1971-1972

О ПУТЕШЕСТВИИ НАСТРОЙЩИКА

В нашем современном мире, где должность настройщика музыкальных инструментов почти всегда является вакантным местом, невероятно трудно, окончив длительное и добросовестное изучение искусства настройки, поступить на это, казалось бы, такое незначительное место, которое, прямо скажем, совсем не обращает на себя внимание наших передовых людей. Но тем не менее, как я уже сказал выше, устроиться на это место нам, людям, закончившим обучение и овладевшим всеми тонкостями настройки музыкальных инструментов очень и очень редко удастся. Прежде всего этому мешает география нашей страны, вернее, полное отсутствие описаний местонахождения населенных пунктов. В Центральной конторе нет ни одного человека — не исключая даже низших, исполнительных чинов, — нет ни одного человека, кто мог бы ясно и основательно объяснить настройщику, куда он должен направить свои стопы. Вот и приходится, когда все же кому-нибудь из нас удастся поступить на службу, отправляться в поистине нескончаемое путешествие, которое всегда завершается одинаково: человек больше уже не появляется в конторе, да и ни в каком другом месте, где бы его могли узнать. Попросту говоря, настройщик исчезает, и с этим никто никогда не боролся и бороться не будет. Ведь стоит после определенного срока ожидания объявить место настройщика свободным, как десять, а то и больше желаю-

щих заявят свои права на замещение этой должности, не смотря на то, что им прекрасно известно о судьбе предыдущего настройщика. Но, по-видимому, надежда, которая все еще теплится в груди каждого из нас, никогда не угаснет, и мы будем методично, бесконечно и бесследно исчезать из списков и перечней гостей, приглашенных на какой-нибудь важный момент в жизни нашей страны, и, кто знает, может быть, и вообще из этого мира, ибо пути настройщика никогда не откроются для нас, людей, жаждущих занять вакантное место. Но тем не менее в наших рядах существует некое предчувствие, вернее — образ того пространства, куда безвозвратно уходит настройщик, состоящий на службе у государства. Это — ощущение величия раскрывающегося пространства: по всей поверхности, образованной гармонично сочетающимися плоскостями, расположены полированные замки или инструменты, как яснее они представляются нашему профессиональному воображению. Откровенно говоря, это все, или почти все из того, что нам известно о пейзаже, который будет вечно сопровождать нас в нескончаемом нашем странствии. Есть, правда, еще одно туманное знание, которое очень беспокоит нас. Никогда, даже сквозь наитончайший покров нашей мечты о путешествии, мы не видим на этой бесконечной пустыне ушедших вперед. Существует, однако, гипотеза, высказанная нашим бывшим товарищем, который теперь уже несколько лет имеет возможность проверить ее на себе. Он высказал предположение, что

предыдущие настройщики находятся внутри «замков» или инструментов: ведь, право же, смешно думать, что мы всего лишь какие-нибудь маляры или полировщики и, не имея ни специализации, ни инструментов, ни краски, ходим по бесконечности и работаем на поверхности её. Нет, вероятнее всего, эти инструменты, разбросанные в пустыне, нуждаются во внутреннем ремонте, и, конечно же, там, внутри этих странных и непонятных для непосвященного человека сооружений, мы найдем свое место и сможем плодотворно применить искусство настройки. А что касается бесследных исчезновений, то каждый из нас в глубине души твердо уверен, что попав туда и увидев перед собой нескончаемое поле деятельности, он не захочет прервать свою работу, а так как времени, отведенного нам Богом для созидания, не так уж много, то каждому из нас, прямо скажем, необходимо, невзирая ни на привязанности, ни на удовольствия, которые остаются и ждут человека по эту сторону вечности, оставаться на своем посту до последнего вздоха.

НА ПЛЯЖЕ

— Зачем эти люди точат ножи? — спросил я Марианну и обратил ее внимание на группу юношей под деревьями, которые, действительно, точили ножи. Они сбились в крепкую кучку, думал я, но вот только не учли одного: длинные лезвия иногда вырываются за пределы их круга и сверкают под солнцем. Ах, как неосторожно они делают своё тайное дело! Кто знает, кроме этих юношей, зачем они точат ножи? Ведь стоит кому-нибудь из отдыхающих на пляже увидеть сверкающее лезвие ножа, как тут же поднимется паника! И паника будет вполне естественна, ибо занятие этих юношей подозрительно со всех точек зрения.

Зачем, спрашиваю я Марианну, они точат свои ножи?

Зачем на виду у всех и не позаботившись предварительно о каждой мелочи, людям, которые не постигли в совершенстве мастерства тайного затачивания ножей, так легкомысленно рисковать каким-то, видимо, давно задуманным и тщательно разработанным эффектом, непременно эффектом — иначе зачем они точат ножи? Затачивание ножей наверняка приведет к каким-то дальнейшим действиям со стороны этих юношей после того, как ножи будут наточены достаточно для того, чтобы совершить свою работу. Недолго думая, я отважился на довольно рискованный шаг: я решил подойти к юношам и предупредить их, что я и вот она, Марианна, уже знаем, что они здесь делают, но если они, то есть юноши, которые точат ножи, разойдутся, предварительно закопав свои орудия в песок, то все окончится благополучно.

И вот я подхожу к плотно, почти плотно сбившимся в кучку юношам и, тронув за плечо ближайшего ко мне, обращаюсь к нему со словами предупреждения. Но что я вижу! Что вижу я в центре круга, куда мне удалось втиснуться, боже, что я вижу: на песке, залитом кровью, свернувшись калачиком, лежит моя Марианна! Я оборачиваюсь. Я смотрю. Я осматриваю пустынный пляж и нигде, нигде я не вижу Марианны. И вообще на пляже, который чудовищно разросся во все стороны, я не вижу ни одной живой души: пусто вокруг меня, и только нож, холодное лезвие ножа, приставленное к моему горлу, выводит меня из одиночества. Возьми, говорят мне юноши, возьми этот нож и наточи его как следует, наточи его так, чтобы горло, по которому ты легко проведешь лезвием, запело бы от этого нежного прикосновения, ибо мы, молодые люди, знаем, что мы делаем, а ты, старый человек, давно потерял себя, потерял свою Марианну, да и вообще всех на свете, как ты уже убедился: ведь пляж пуст, пуст до самого горизонта.

— Но скажите, — уныло спрашиваю я у них, — скажите мне, кого вы собираетесь резать, ведь вокруг нас никого нет, а Марианна мертва?

Мы будем резать друг друга, — отвечают мне юноши и, действительно, я вижу, как напротив меня один юноша вонзил свой нож в грудь другому. Тот упал на песок и, докатившись до ног моих, спокойно сказал мне: вот видишь, старый, глупый человек, тот, кто скорее наточит свой нож скорее убьёт своего ближнего.

И вот я стою и точу свой нож. Остался только один человек напротив меня. Но и он уже занес надо мной руку с хорошо отточенным ножом.

О КРИКУНАХ

С некоторых пор всех нас объединяет страсть к крику.

Когда ты кричишь один, стоя где-нибудь в отдалении от вражеской публики, то в крике твоём нет той самозабвенной творческой сладости, которую обретает крик, произведенный некоей гармонической множественностью крикунов, о которых я и собираюсь написать стихотворение.

Ах, что же заставляет нас кричать? Это, прежде всего, усталость. Как ни странно, но именно усталость заставляет нас содрогать днища душ наших нечеловеческим, ритмичным криком, который как сокрушительный водопад выливается из наших глоток и заставляет прижиматься к стенам тюрем и монастырей более духовный слой населения нашего города.

Но вот что любопытно. Кастовость, которой тщательно придерживаются все без исключения граждане города, полагает нас, крикунов, полностью изолированными от городской общины, лишь по праздникам выставляя нас на ярмарке для бесплатного ознакомления с нами и с нашим искусством иностранных гостей. С одной стороны это приятно. Но, признаться, бывают мгновения, особенно после тяжелого, изматывающего крика, когда ты чувствуешь такую разруху в душе своей, такую скверну и так отвратительны тебе кажутся твои соратники, что ты с грохотом падаешь на подмостки и начинаешь молчать. Ты молчишь час, ты молчишь весь день, на тебя никто не обращает внима-

ния. Наконец ты, оскорбленный этим крайним неуважением к своей личности, начинаешь сначала тихо мурлыкать, заискивающе поглядывая на гуляющую публику, потом, когда несколько пар глаз устремляются на тебя в надежде услышать что-то небывалое от долго молчащего человека, ты начинаешь, перекрикивая своих товарищей, испускать такие диковинные вопли, что человек, поставленный наблюдать за нашим ансамблем, важно приближается к тебе и широким взмахом сабли отрубает тебе голову.

Но это не беда. Кто-нибудь возьмет твою голову как сувенир и поставит ее на видное место в своей трущобе. А ведь может случиться так, что это будет вовсе не трущоба, а некий дворец, открытый по воскресеньям для широкой публики, так любимой тобой, и ты сможешь, прилетая из спокойных, глубоких областей смерти наслаждаться взглядами посетителей, и даже, поправляя прическу на своей голове, поглаживать чью-нибудь пухленькую ручку и, прикрывая от удовольствия швы и овраги путей из загробного мира, по которым ты пробираешься к нам, вспоминать о славе прошедших лет, вспоминать особенные, присущие только тебе оттенки криков и воплей, которые ты так самозабвенно, так сладостно взращивал в себе ночами. Да, да, бессонными ночами рождалось искусство крика, чтобы потом, с видом пророка, не важно, чего — будущего чуда или нынешнего распада, выплеснуть его из недр своей усталости, да так, что задрожат слезинки, выступившие на краешки ресниц прелестных дам, гуляющих по ярмарке, да и муж-

чины тоже как-то сразу подтянутся, головы поднимут выше и, крепко обхватив своих спутниц, быстренько удалятся от подмостков, на которых ты, не обращая внимания на серую массу, которая никогда не поймет твоего искусства, продолжаешь все углублять и углубляться в крик.

ОТДЫХ

Около деревянного летнего домика, на толстом одеяле, разрисованном красными и желтыми цветами — невероятный вымысел смуглого художника, живущего недалеко от нашей страны, если посмотреть на нас, на меня и на Марианну, как мы сидим рядышком на этом пестром одеяле, то сразу же любому мимо проходящему человеку станет ясно, что некогда и он мог бы вот так, прижавшись маленьким плечом в зеленом шелке, расшитом матовыми белыми бабочками, прижавшись плечом к плечу Марианны, ныне острому, как неловко разрубленная кость огромным старым мясником, у которого дрожат руки от долгой утомительной работы, прижавшись к желтоватому плечу Марианны, он мог бы отдохнуть на таком же одеяле, отдохнуть от долгой работы ногами, которые истоптали добрую половину земного шара, отдохнуть от темных, крылатых фигур, мелькающих у него за спиной в бурно агонизирующем небе, от крылатых фигур, оставшихся от его преследователей, бессмысленно совершающих свою работу за деньги, которые уже много лет назад им перестали платить, он мирно сидел бы на мягком шелковом одеяле, прижавшись плечом к плечу Марианны и, глядишь, и они, его преследователи, не удержавшись от соблазна вполне заслуженного отдыха, слетелись бы к его ногам, и он стал гладить их жесткие, обветренные и обгоревшие крылья, он стал вычесывать расческой, которую попросил у Марианны, насекомых из их крыльев, и эта мирная картинка навсегда запечатлелась в памяти путника, который про-

ходил мимо нас, когда я и Марианна тихонько сидели рядышком на одеяле и считали пролетавших бабочек, но когда пришли наши родители, мои — старые и поседевшие, и Марианнины, еще молодые, утонувшие в тот незабвенный год, когда море, у которого стоит наш летний домик, бушевало как взбесившийся нетопырь в моем сачке, которого я поймал в ивовой аллее и принес в подарок Марианне на ее день рождения, ах, как жаль, что она не смогла принять его, потому что день похорон ее родителей совпал с ее днем рождения, и мне пришлось выпустить нетопыря в ночь, и вот теперь, видимо, по его наущению, пришли наши родители, взяли за руки Марианну и меня, свернули одеяло, самый старый из родителей, мой отец, взял его подмышку и нас повели в дом, где горела желтая лампа, вокруг которой носились маленькие ночные бабочки — род нетопырей, от которых кружится голова, и мы с Марианной очень скоро забыли друг друга и уже больше никогда не сидели вместе на одеяле, и осталась у меня в жизни только одна радость — путник, который видел нас и ясно представил себе возможность собственного счастья, упоенный своей мечтой, не заметил, как безжалостно наши родители свернули одеяло и увели нас в дом, в дом, в котором живут усталые люди, не имеющие ни малейшей надежды отдохнуть от трудов на одеяле, потому что нетопыри, которых они принимают за ночных бабочек, вечно ищут случая незаметно принудить их совершать все новые и новые действия, чтобы не погас огонь в лампе, вокруг которой так приятно кружить нетопырям, и так уютно и интересно, особенно зимой, пристроившись на самом верху абажура, наблюдать за нами.

ВПЕРЕД, К РАЗРУШЕННОМУ ГОРИЗОНТУ

Я обнаружил шестерых на месте разрушенного храма, в пространстве, заросшем зимними кустами, я обнаружил шестерых, идущих ко мне из разных стран, из тех одинаково отдаленных от меня сторон, откуда приходят люди, чтобы строить разрушенный храм каждое тысячелетие, но нынче прошло уже два тысячелетия с тех пор, как был разрушен храм, а они все не шли, но, наконец, я увидел шестерых с инструментами, которые приближаются ко мне не то чтобы медленно, но, имея много времени и сочувствия, равнодушного сочувствия к необходимой жертве, которой являюсь я, они дают мне время опомниться и собраться, точнее — одеться, как и подобает мне, служителю разрушенной вечности, ибо они не хотят нарушать этикет, раз и навсегда установленный нашими предками: каждый, кто выполняет великие задачи, поставленные перед ним Богом, не должен внешне отличаться от обыденности того мира, в котором он является официальным лицом, я же, являясь таковым в области разрушенной вечности, должен быть обнажен во имя Господа нашего Иисуса Христа, но так как прошло лишнее тысячелетие, то я постепенно опустился, завел себе семью, и, будучи уже дряхлым стариком, окруженным не очень-то внимательными ко мне потомками, одевался как попало и даже носил очки и читал недозволенную нашей цензурой литературу, но, как я уже говорил выше, шестеро с инстру-

ментами, в виду, должно быть, необычайной задержки, дали мне время привести в порядок себя и мир, в котором я обитаю, ну что ж, я готов. Прежде всего я иду к своей старой, но милой женошке и убиваю её, ах, как грустно, как одиноко мне, но что же делать, затем я призываю властным криком всех моих потомков, которые плывут на кораблях, летят на самолетах, мчатся в автомобилях, ползут на стертых колденях, а другие, в шикарных одеждах, важно шагают по пустыне, тем не менее обгоняя тех, с инструментами, которые почтительно расступаются перед ними, расступаются перед всеми: и нищими, и роскошными нищими, и вот они уже стоят передо мной, до горизонта расстилается мое поколение, но что же делать, придется мне, старому, больному служаке еще раз выложиться на благо Господа нашего Иисуса Христа, и вот я хожу и бью их как мух своим огромным плоским ключом от разрушенных ворот храма, к вечеру моя работа закончена и, усталый, я возвращаюсь к себе, сжигаю во дворе книги, бросаю в уголья очки, снимаю с себя платье: я готов к встрече строителей, а вот и они, как всегда безразличные молчаливые люди в форме, которая является отсутствием её, я прекрасно знаю, что мне нужно делать, но они, не желая отступать от раз заведенных правил, читают мне приговор, наконец, я ложусь в заранее приготовленный мною ящик, они забивают его и ставят на середину вечности, и под мерные стуки молотков и лопат я погружаюсь в небытие, чтобы снова, когда придет срок, заступить на свою должность, стряхнуть с себя пылинки очередной, исчезаю-

щей у меня на глазах культуры, и, стоя у разрушенного храма, поджидать строителей новых красот, которые вырастут на камне моего обнаженного тела, чтобы я, смиренный служитель вечности, всегда находился у дел: ведь в этом смысл нашего продвижения: вперед, к разрушенному горизонту.

МАРИАННИНА МУЗЫКА

Что с тобой, Марианна?

Марианна не отвечает, она уже стара отвечать на вопросы своих учеников, у нее так болят руки в малиновых прыщиках, проклятый двор, думает Марианна, проклятый ученик, да, Марианна, ты была права, когда не захотела придти ко мне в очередной четверг, чтобы заниматься со мной музыкой и не сказала мне, почему. Ах, Марианна, неужели ты забыла, как проворны мальчики в возрасте, когда их обучают музыке? Я прекрасно осведомлен о том, почему ты отказала моим родителям, я видел, как в тот раз, пробираясь по заснеженному двору, ты зацепилась за проволоку и упала, изранив свои старые руки, теперь уже никому не нужные, больные руки, когда-то так легко и самозабвенно скользившие по клавишам рояля, который стоял в моей комнате, в том самом доме, уже сломанном, оставившим после себя проволоку на пустыре, ту проволоку, что лишила тебя заработка, да что заработок! Разве ты приходила ко мне только для того, чтобы каждую субботу тебе отсчитывали истрепанные рубли мои подозрительные родители, ведь я знаю, Марианна, как тоскливо тебе было жить в твоём старом домике, в окружении грязных облезлых кошек, к тому же и пианино твое давно разобрано по частям, ты как-то увлеклась современным искусством и мастерила странные громоздкие конструкции, используя обломки инструмента и всякую живность, попадающую тебе в руки, но это

время ушло, ты постарела и вернулась к своим прежним занятиям, а нынче, когда на глазах твоих пелена снега, а в сердце ворочается ускользнувшая от тебя крыса, о, как ты расстроилась, когда упустила ее, тебе не удалось закончить самую твою фантастическую мечту: с мальчиком на снегу, у которого болело плечо от удара камнем, он, этот мальчик, ты знала, никогда не встанет со снега и не обернется к тебе, чтобы ударить по твоему внимательному, умному лицу художника, запечатлевающему момент острой боли от потери дома, от потери детства, от хохота злого мальчишки, стоящего над ним с прутиком, — и ты сладострастно водила кисточкой по его щекам, ты сладострастно затягивалась сигаретой, и тебе не хватало только одного — крысы, чтобы засунуть ее мертвое, обмороженное тело ему в рот глубже, как можно глубже, ближе, как можно ближе ты садилась возле меня, чтобы перелистнуть страницу Моцарта, и я чувствовал твой запах, запах кошек, запах разогретых подмышек, твой старый, запущенный запах смерти, от которого нас, мальчиков, изучающих музыку, бросает в холод, и мы, после ухода Марианны, долго пребываем в оцепенении, положив голову на плечо игрушечного чело-века, нашего утешителя, который всегда, слава Богу, появляется возле нас после твоего ухода и терпеливо стоит под ливнем наших слез — словно искусственная скала, созданная нашим воображением, единственно важное и нужное нам из того, что мы создаем или создадим в будущей жизни, ибо все прочее есть платье женщины по имени Марианна,

которое окутывает наши полые тела, драпируя ужас пустоты, пребывающей внутри и возле нас, пребывающей, ибо бытие есть единственная реальность нашей никчемности во всей дальнейшей жизни, в жизни, которая ждет нас за гранью музыки.

СМЕРТЬ В ЗАХОЛУСТЬЕ

Стоит кому-нибудь из нас выйти вечером погулять по улице, как тут же мы попадаем в область чужих владений. Мы это чувствуем сразу и не вынуждаем враждебные силы понапрасну тратить свою разрушительную энергию. Вот как обычно начинается прогулка, которую я совершаю на своем пути каждый вечер: как только скрипнет позади меня дверь и перед моим взором раскинется сумеречная улица, на которой нет ни одного человека, как только в глаза мне замерцает тусклый зимний свет фонарей, низко подвешенных над тротуарами между мрачными деревянными домами с погасшими окнами, как только я вступаю в этот замкнутый, ужасный для всего живого круг природы, я всем телом своим начинаю чувствовать приближение какого-то громадного, появляющегося из самого дальнего конца улицы и скачущего ко мне огромными прыжками существа. Может быть, на самом деле оно и не такое большое, но если прислушаться к пустоте, которая царит в моей душе и в окружающем меня пространстве, то станет ясно, что существо это, прыгая на высоких человеческих ногах и обладая гипнотическим нюхом, да к тому же направленное чьей-то рукой именно к тебе, есть огромное, непостижимое явление надвигающегося на тебя ужаса, есть откровенное, лицом к лицу встречающее тебя наваждение, которое в состоянии не только растерзать и убить тебя, но и уничтожить след единственного, что есть в тебе достойного, уничтожить дух

отчаянного сопротивления, который в другой ситуации, может быть, более реальной и даже физически неизбежной, не покидает тебя.

С замирающим сердцем, захлопнув за собой дверь своего неуклюжего и почти прозрачного жилища, которое по хрупкости не уступает истонченной водой и ветром речной ракушке, ты, казалось бы, избегаешь ужасной встречи, но как сурова, как холодна судьба, как равнодушна сопровождающая тебя хранительница твоего покоя, а, может быть, это опять сказалась твоя нелепая отстраненность, которая заставляет тебя влачить жалкое существование. Следующий удар ждет тебя в минуту отдыха: ты лежишь на диване и, лениво осматривая комнату, натыкаешься взглядом на дверь. Ты видишь, что дверь приоткрыта, но, слава Богу, пока еще ты смотришь в щель не на Высоком Уровне, а так как двери очень высокие, старинные двери с золотым набалдашником ручки, то, пока ты медленно поднимаешь свои глаза вдоль черной полосы, судьба дает тебе время постепенно покрыться холодным потом, и медленно возрастающее предчувствие чего-то самого ужасного, наконец, на уровне нескольких сантиметров от потолка, соприкасается с образом, который ты вдруг видишь своими глазами: там, в щели приоткрытой двери, на высоте трех с половиной метров, бледнеет страшное, как неприкрытая бездна, лицо. И вот, закрывая глаза, ты отходишь в мир иной, зажав в руке бумажный цветок, который в течение целой жизни ты вырезал и клеил и, однако, так и не успел приклеить к нему последний, самый крохотный лепесток, без которого вся композиция совершенно не убедительна, и пусть гово-

рят на следствии, что там, за щелью приоткрытой двери была всего лишь твоя жена, которая встала на стул и решила испугать тебя, пусть говорят, что смерть его совсем не связана с этой невинной шуткой, ты знаешь, друг мой, ты прекрасно и уже очень давно знаешь, кто был причиной твоей смерти, но в конце концов теперь это уже неважно, теперь ты находишься в другой области, и я уверен, я очень хочу быть уверен, что там, где форма твоего цветка ничего не теряет от своей незавершенности, ты найдешь более надежный покой своей усталой душе, и сможешь вечерами безбоязненно и с легким сердцем выходить на прогулки по другим, невиданным и несслыханным здесь, в нашем захолустье, мирам.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГОБОЕМ

Наконец-то мы выбрались из леса, опутанного белыми нитками.

Мы и не предполагали, что, изуродованные, в разодранных одеждах, выбравшись, наконец, из этого леса, будем в состоянии разговаривать друг с другом, и уж более того — никак не думали, что затеем путешествие за гобоем. Дети, которые опутали лес белыми нитками, стояли в сторонке и хохотали до упаду, когда мы, как две нелепые мельницы, размахивая руками и ногами, опутанными нитками, старались освободиться от них. А потом дети куда-то исчезли, куда-то в глубину леса, и, может быть, голоса их и навели нас на мысль отправиться в путешествие за гобоем, потому что печальная песня, которую они затянули где-то в глубине леса, чистые и глубокие голоса их привели нас в завистливое настроение, которое часто испытывает старость и, не в состоянии вторить им своими хрипящими голосами, мы тут же решили отправиться на поиски гобоя и сыграть на нем где-нибудь в глубине жизни, а может быть и заработать себе на хлеб, а что, собственно, скрывать, давно уже мы шлемся голодные, и не то чтобы из-за лени своей, а из-за того, что сил нет построить кому-нибудь дом: строительные инструменты такие тяжелые, а силы наши уходят и уходят с каждым днем.

Вот мы и отправились в наше путешествие — путешествие к трубам земли. Не буду описывать, как мы перебирались через ручьи, встречающиеся на каждом тридца-

том дыхании нашей жизни, когда мы, взвалив на плечи бревна — вернее, хворостинки, которыми погоняют скотину, ну а нам они казались столбами от забора, который некогда окружал загон для скота, — когда мы, взвалив на плечи бревна, бросали их на тот берег ручья, они падали в воду и, погрузившись в нее ровно настолько, насколько дерево может погрузиться в глубину нашего страдания, выпрыгивали на поверхность и, как чуждые существа, ненужные ручью, слабосильные наши помощники уплывали от нас и нам приходилось тащиться вверх по течению каждого ручья, чтобы обогнуть его начало. Но однажды, миновав рождение очередного ручья, мы как вкопанные остановились: все поле перед нами было истыкано круглыми отверстиями.

Небольшие — туда мог войти указательный палец — дурацкие эти дырки сетью покрывали поле — как будто раньше здесь было не поле, а искусственный лес, насаженный круглыми, тщательно обструганными палочками — затычками бессмертия, которые, увы, теперь были вынуты и лежали, наваленные кучей, на телеге, медленно ползущей по далекому холму нашего замысла. И мы поняли, что попались, окончательно и бесповоротно.

Кто-то там, на поле, бился, стараясь освободить свое тело, но когда мы разглядели, что это всего лишь большая рыба, видно, выпрыгнувшая из ручья, мы успокоились. Мы успокоились и теперь возвращаемся назад. Мы возвращаемся, а земля переваривает свою равнодушную жертву.

Пока она занята делом, мы можем быть спокойны. Но долго еще преследует нас образ этой сухопутной рыбы, по временам превращающейся в одного из путешественников за гобоем. — Но все таки, как хорошо, — думаем мы, — что на самом деле на поле мы не видели ни одного человека, значит и обман имеет свои законы, которые запрещают ему до бесконечности обольщать своими странностями людей. Ведь, право, как уныло было бы запутаться здесь, на земле, которая иногда принимает такие фантастические формы, что их можно принять за создания иного мира и напрапалую броситься в них, надеясь ощутить — увы, то, что ощущает рыба, выброшенная на землю. Хорошо, что мы отправились путешествовать за гобоем, а если бы мы пошли просто так, без цели, уж конечно мы не пропустили бы этот феномен, эти трубы земли, и валялись бы сейчас там при последнем издыхании, пойманные и спеленутые пустотой в форме трубочек, составляющих сеть. А сеть эта — не детская забава, не опутанный белыми нитками лес, и уж конечно, не дети стояли бы в отдалении и хохотали над нами, а скорее всего никого бы не было — ни впереди, ни сзади, да и кому надо, посудите сами, слушать наши хриплые голоса, зовущие на помощь, да так тихо, что и сами мы вряд ли бы услышали друг друга.

ПЕПЕЛ НАШИХ ПОБЕД

Чаще всего мы надеемся приобрести землю. Многие из нас получают ее по наследству, уже застроенной, вспаханной и непригодной для жизни нового поколения. И каждый камень на ней, заложенный предыдущим владельцем, хоть и истончается со временем, однако песок его, тот песок множества жизней, на котором мы начинаем строить, во времена особых напряжений в природе оборачивается текучим своим свойством, и мы только разводим руками, стоя перед развалинами, на наших глазах превращающимися в ничто, в пепел наших побед.

Но не только законы земли нарушают наши планы, но и мы сами, и наши занятия и зрители наших представлений в конце концов превращаются в иную, непонятную нам материю, которую можно хоть как-то понять, обозначив ее пеплом наших побед.

Вот, например, оружие или духовые инструменты — с ними мы чаще всего имеем дело. Где-нибудь в большом саду, мы, толпа воинов и музыкантов, разгуливая праздничной ночью по незнакомым областям жизни, наткнемся на группу занимающихся работой людей. Может быть, они перебрасывают бревна, только что срубленные в нашем саду, с одного места на другое. И конечно мы, разукрашенные как павлины, блестя сталью оружия, под звуки духовой музыки набросимся на них, принимая их за воров и не думая о том, что бревна остаются в нашем саду сколько

бы они их не перекладывали с места на место. Но все мы, не приспособленные к тяжелой работе, слабосильные скоморохи, будем раздавлены бревнами совершенно походя, ничуть не изменив ритма работы этих крепышей с топорами за поясами. Лишь когда настанет время отдыха и, разбредаясь по саду кто куда, они будут находить обломки нашего оружия, обломки флейт и гобоев. И каждый из них будет показывать свою находку товарищу и, постукивая указательным пальцем по полым трубочкам, высыпать на землю пепел наших побед. А скоро они и вовсе закончат свою работу и, получив за нее сколько следует, уберутся из сада, не затворив за собой ворот.

И вот место вышеописанного побоища достается кому-нибудь из нас. Зброшенность одеревенелой почвы, суета поедателей падали и, наконец, какой-то сумасшедший, случайно оставшийся в живых и пляшущий на голой земле при нашем общем молчании, не только не пугают нас, но напротив того, вся эта вакханалия смерти создает в наших сердцах атмосферу всеобщего обожания и умиления перед новым миром, ждущим своих завоевателей. Нет чтобы миновать это место и дать ему зарости травой! Мы же стремимся как можно скорее принять участие в совершенно неизвестной нам трагедии прошлого, стремимся дополнить или изменить что-то, несмотря на скорое и полное исчезновение останков древних героев, как бы мы не старались их не замечать.

В мире множество времен покоя и образов покоя. И пепел наших побед есть не что иное, как идея сама по себе,

она не может быть причиной или следствием иных событий. Проходящий же сквозь нее не более как замарашка — посмотрите на него, перепачканного засохшими экскрементами! Мало кто пользуется ходулями в этом мире. И еще меньше людей, населяющих воздушное пространство, раскинувшееся над зрителями круглой Земли.

АТТРАКЦИОН

Самый безнадежный мир — мир аттракционов. Возвращаясь из музея, который, конечно, не может существовать — такой он огромный, а главное — никаких экспонатов, просто металлические обшарпанные лестницы от стены до стены, ты попадаешь в зимний ночной парк, хотя на самом деле под ногами трава и стоит погожий теплый день, но все-таки — зима, ночь, это так. Ну вот, если сесть в корзину из металлических прутьев и подняться высоко над землей, то считай, что все кончилось, оборвалась твоя жизнь, больше никакого продолжения. В самом деле, во-первых, хозяин аттракциона никогда не согласится катать тебя одного, а во-вторых, какой дурак появится в этом парке, когда ты и сам не знаешь точно, где он, этот парк: там ли, где зимняя ночь, или там, где погожий летний день. И вот так ты и становишься экспонатом покинутого тобой музея, но музей этот, увы, принадлежит тебе, как и всегда принадлежал, просто ты не хочешь признаться, что бесчисленное количество лестниц — те самые лестницы, по которым ты в одиночестве бродил только что — хранят на себе следы исключительно твоих ног.

Всю жизнь ты искал что-нибудь увидеть.

Много ли ты видишь теперь, там, на верху колеса, согнувшийся и неподвижный человек?

ЧТЕНИЕ

Увидев надпись: ЛИФТ ПЛОХО РАБОТАЕТ, я все-таки зашел в него с целью насладиться любимой своей привычкой чтения. Так, немного согнув ноги, я раскрыл книгу, держа ее далеко на отлете правой рукой.левой рукой я стал переворачивать страницы, каждый раз непременно заставляя руку совершать широкий полукруг, прежде чем коснуться ею листа.

Михайловский Арсений, молодой человек морского толка, с усами черными, имеющими форму грузинских рогов, направленных по лицу его вниз и остриями на расход друг от друга, слепил мне снизу своими круглыми очками, с крайних точек которых свисали два черных шелковых шнура, привязанные к кончикам усов.

МАЛОЧИСЛЕННОСТЬ

В день моего юбилея, выйдя из «АРИСТОКРАТИЧЕСКОЙ СТОЛОВОЙ», я направился во двор дома, где должно было происходить чествование. Во дворе уже стояла старушка и, адресуясь к раскрытому окну дома, расположенному довольно в глубину двора, горячо что-то говорила обо мне. Незаметно её сменила высокая женщина восточного типа, которая страстными и похабными словами уличала нашу компанию в малочисленности и заодно раскрыла перед нами комедию нашей жизни. Но стоило было намекнуть ей, как действуют на нас её высокая грудь и мощное, подвижное тело тигрицы, как она тут же улыбнулась нам и, приставив ладони к бедрам, стала поглаживать их, бросая на нас откровенные взгляды похотливого желания.

МАЛЕНЬКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сумасшедший инженер, работающий со мной в одной комнате, пострадал на почве ревности к другу. Но значит ли это, что две жизни должны подвергаться опасности? Не лучше ли одного из нас посадить в сумасшедший дом?

1. Покидая местечко где-нибудь в глубине России, ты совершенно забываешь, что причиной тому была излишняя поспешность твоей кочевой жизни. И, равнодушно оглядываясь назад, ты не обращаешь никакого внимания на фигуры мужчины и женщины, которые пошли тебя провожать, а когда ты отошел довольно далеко, они, ослепленные своей страстью, прижимаются друг к другу губами, впрочем, под твоим совершенно равнодушным взглядом назад.

2. Даже занимаясь кое-какими приготовлениями к продолжительной любви, например, делая прическу своей возлюбленной, ты нет-нет да и взглянешь куда-нибудь в сторону, на какой-нибудь стог, темным пятном закрывающий низкую, повисшую над горизонтом Луну.

3. Не ты, конечно, а какой-нибудь предводитель мальчишек так много изобрел в твоей жизни диковинного, что на процессе, который состоится на закате твоей жизни, ты наверняка все будешь валить на него, бессмысленно улыбаясь обвиняющим тебя наездникам, на случай суда соскочившим с твоей спины.

4. Сохраняй старый воздух в чужих легких
в тех, кого ты видел однажды
они пройдут мимо тебя раз в жизни
мертвые души
безопасные мужчины и женщины.

5. Между мной и горем моих слов всегда музыка, она, как невидимое солнце, освещает деревья на ветру и они раскачиваются, крепко уцепившись за землю, и этот свет, эта музыка с ветром шелестит во мне как если бы листья — тысячи желаний солнца и ветра — мгновенно повернулись к тебе, назвавшему меня по имени, и я сказал бы тебе: спрячь свое тело; между мной и телом твоим — деревья, скрытые ночью.

6. Верно, что ты ничего не добьёшься, если будешь ходить между мной и мной. Но также между мной и тобой есть мир, в который стремится моя душа. Так, допивая последнюю каплю, я теряюсь в пустоте, не помня, что жар и надежда — вино, не имеющее собственной формы. Ну конечно, все мы надеемся, заполняя пустоту, и отчаиваемся, оставляя ее за собой.

7. Интересно было бы подкараулить приближение большой толпы народу и положить на пути её белый кусок материи. Сойдут ли они на мостовую, или так и попрутся напрямик, затоптав в грязь непонятную для них мысль какого-нибудь сумасшедшего, может быть, всю жизнь отдавшего на решение проблемы, которая привела его к этой невинной шутке?

8. Современная литература «низов» как-то избегает цитирования классики или хотя бы упоминания известных имен. Например, Петроний, Данте, Гриммельсгаузен, Иоанн де Верд, Плато, Агафокл, Маврикий, Маленький Якоб, Аверроес, Телефас, Гуго Капет и даже известный полководец Эрнст граф фон Мансфельд не гнушались оглянуться назад и дополнить свои сочинения — как светские, так и военные — ретроспективным заимствованием из классиков, с постоянной ссылкой на источник. Единственное оправдание нашей нерасторопности, вероятно, суматоха теперешней жизни, при которой перемешались все известные списки.

9. Доподлинно, что ты выберешься из этой кутерьмы. Но для этого ты должен научиться искусству закрывать за собой дверь, чтобы ни одна сволочь не выскользнула за тобой, иначе произойдет распад, рациональность свиарника перестанет существовать, а никто не знает, что из этого может получиться. Если, не дай Бог, не заткнуть бочку, из нее выльется все вино. А Бог жалуется только один раз, ибо пустовать он позволяет одному себе, а иные пустоты уни-

чтожает безжалостно. Но в сем есть и обратная сторона — «Не убий».

10. Гнать лошадь по серебристому снегу, когда сзади наседает пьяная компания домовых из ближайшей деревни, до такой степени утомительно, что, вопреки своей совести, ты испытываешь большое облегчение, когда, наконец, прельщенные запахом деревни, мимо которой проезжает твоя коляска, домовые соскакивают, гикая, с запяток и пьяной гурьбой вваливаются в дом, не ожидающий нападения.

11. Подъезжая к церкви, где должно состояться твое венчание, ты с удивлением видишь, как два пьяных мужика тащат из церкви золотые оклады, а когда они предложат тебе их за бутылку водки и ты, наконец, водворишь их на место за свои деньги, обряд венчания покажется тебе суетливой формальностью, да к тому же такой, в которой ты принимал участие со стороны администрации.

12. Мужчина с желтым мозгом и желтым лицом наседал на священника, чтобы тот позволил ему прокатиться с горы на санках до того, как с него сорвут размалеванный колпак его черных страстей и предадут его сожжению на костре.

13. Один мальчик, катаясь на санках с горы, прищемил себе тайное место и до утра пролежал на снегу, поглаживая его дрожащей от страха рукой.

14. Мы бы с тобой завоевали город, если бы он не был окружен стеной. Что нам делать в этих стенах? Разве только шататься по ним день и ночь, охраняя город от внезапного нападения дураков. Ну, а кто, посудите сами, захочет связываться с дураком, если не такой же балбес и дубина, накрепко замурованный в своем теле?

15. Страшно блуждать по белой дороге, прислушиваясь к охватившему тебя беспокойству: вдруг ты услышишь в глубине себя приглушенный разговор предателей или крикливую песню связанного по рукам соседа.

16. Кроме обветшалых детских голосов и белых надписей мы с тобой ничего не обнаружили в этом старом и до такой степени разрушенном соборе, что в нем нельзя было сделать даже склада, где бы мы хранили запас игрушек для наших будущих малышей. Так и стоит он, этот собор, не предназначенный ни для чего, окруженный страхом детворы, толпящейся у его стен.

17. Минута любовного объяснения часто бывает скомканной оттого, что внутри каждого мужчины живет вор, лихорадочно развязывающий узелок с наворованными деньгами. Не правда ли, все дороги усеяны шевелящейся под ветром бумагой?

18. Желательно до тридцати лет рисовать прекрасные картины, все более очищенные от мысли, расширяя год за годом пространство внутри формы. Однако подобный способ стиля если и не закончится весьма плачевно для самого художника (имеется в виду патология), то уж, конечно, в какой-то момент процесс пойдет вспять и, заметный со стороны, сей печальный казус примет форму ранних дерзаний несчастного с добавлением подрисованных символов преисподней.

19. Только ли в сновидении может развернуться во всей своей красе птица Феникс, или и между нами, напряженно вглядывающимися друг в друга, она незаметно для нас выкапает из земли своё яйцо, чтобы один из нас раздавил его, бросившись на другого с кулаками, и тем самым, не ведая, что творит, может быть в тысячный раз обманул природу и продолжил вечную, одинокую жизнь прекрасной птицы?

20. Одно из воспоминаний, имеющее странное свойство поглощать в себя листья, которые метет ветер, посетило меня в ту минуту, когда в парке уже совершилась перемена года, но снег, снег бушевал только во мне, ибо и я был в неизвестности, может быть в силу этого воспоминания, и роковая минута уже опустошила деревья, и в том же неизвестном порядке пролетали надо мной невидимые ветры, дующие в сторону безвременья.

СПОСОБ СТИЛЯ

1. В первое время, когда только что обнаружил множество путей, и в неясной их дали еще надеешься увидеть природу, не потревоженную духом, в это время только симптомы физического недомогания предвещают дальнейшую растерянность, которую испытываешь, стоя на обломках, усыпающих все пути, обнаруженные тобой до и после прозрения. Даже не докапываясь до причин, не изучая истории катастрофы, испытываешь усталое отвращение в душе, глубина которого измеряется разве что жаждой жить во что бы то ни стало. В это время начинаешь сознательно обращаться к мифу своего зарождения, на все лады воспевая ушедшую от тебя непосредственность и, вконец уничтоженный и снова и снова уничтожаемый созданной тобой химерой памяти, горя во тьме и освещая ее своим плачем, отворачиваешься, наконец, от самого себя и с холодной расчетливостью закапываешь, как собака, свой ночник в песке, чтобы и самого себя погрузить в непроглядную тьму, ибо это последнее, что остаётся — слить все воедино и уже больше никогда не отделять ничего вокруг от ничего в себе.

Итак, эта темная мысль преодоления, положившая начало всему и все потом вбирающая в себя, достоверно — ибо через мою душу — не рождает одиночества. Не рождает она и двойственности, прямой и переносной, а потому отсутствует причина веры — одна из прелестей, сладострастно заключающая в сердце своем иронию и, что свойственно челове-

ческой натуре, любовь, толкающую во времени к смерти. И вот в этом движении начинается жизнь: одно за другим возникают побуждения, сосредоточенные в молчании, и они сохраняют реальность моего духа, ибо, подобные дождю, проливающему свою жизнь на холмы — средоточие природы, на эти вершины, связанные между собой свободой моего приближения к ним — они, воплощенные со мной в неразлучности, уже реально и на глазах моих, ибо я жив, бегут вниз все низвергающим потоком, оплодотворяя новую жизнь, но с моей душой на грани ликования, ибо эта жизнь, проникающая меня, не имеет смерти, она бесконечна и граничит лишь со способом, с методом жизни, но не с плодами её.

2. Горюя во тьме и освещая её своим плачем, мы все же оставляем за собой маленькую власть над окружающим, и власть эту мы приобретаем изначально, с рождения, как тайное знание, непостижимым образом соединяющее нас и навязчивый образ окружающего нас мира. Так же в буквальном смысле мы оставляем за собой эту маленькую власть, стоит лишь продвинуться чуть дальше, слепо повинувшись дороге, огибающей зону пораженного кругозора и преследующую нас теперь сзади, как угодно властвующую над нами теперь, тогда как мы освободили её от необходимости существовать. Все время повторяя этот процесс отпущения и таким образом заново наполняя себя движением и пространством уже более глубоким, мы начинаем активно уничтожать любую законченность, любое омертвление мысли, ибо постоянно пре-

бывая в напряжении ритма, мы не даем сомкнуться перед собой подвижному пространству, как бы все время находясь перед смертью, если понимать смерть как образ неподвижной природы. Таким может быть лес, не тронутый дождем, ветром, любой стихией, и такими можем быть мы, если перед нами вечно остается неподвижное марево тайны, сублимирующееся разве что в физиологическом проникновении одного в другое, как, например, мост, половой акт, убийство и прочее, совершенное раз и навсегда.

3. Все время повторяя этот процесс отпущения, ты не прокладываешь себе пути вдоль или сквозь, но присутствуешь как бы при отделении случайной, невидимой тебе частицы, скрепляющей верх наполненности пространства, вечно возвращающего нас на приподнятые края; и дыхание твоё, стихия присутствия, распространяется, раскачивая на воздухе первое, что придет тебе в голову, какой-нибудь знак на пути, впрочем, тщательно и легко отобранный несовместимостью, ибо звучать он может только в области несовместимости, ничто другое неприметно здесь, и помимо тебя совершается твоё желание, так как нет уже причин подозревать себя в обмане, ведь все силы твои напряжены, чтобы продержаться без указания цели.

4. Знак на пути, тщательно и легко отобранный, наполненный здесь, в отдалении, сердечной тайной, кроме того отделен от тебя уже не пространством изнемогающего знания,

но лишь определенностью ответа с того берега, тенью связанных сил, ничего не охраняющих и сопутствующих тебе по другую сторону отношений в виде двух открытых тобой известий, существующих здесь только в силу постоянного отделения частицы ветра, и она, эта размыкающая бурю частица, заведомо обрекает на расторжение два слова, бесильные назвать знак на пути, вливаясь в общий звук бури и раскачивая на воздухе мелькающую возвышенность, соединенную с равниной тончайшей струёй ветра, ибо он уносит его, невидимый, но известный мне по ответу с того берега, первоначально разрушающему связанные силы потока.

5. Все образы здесь — первое, что придет в голову, функциональны лишь при обращении ко мне расторгаемых мной систем. Так пустыня, привлекающая мое внимание слева, среди возвышенностей с насыпанной на них жизнью, имеет гиб уже более тонкого жесткого присутствия, и нарастает ужас справа, наполненный в длину несколькими попытками, но, увы, обрывающимися не по внешней причине насилия над ними, но собственным содержанием, срезанным по живому мясу, открытому давно и неподвижному здесь, вдали от поворота пустыни.

Только собственным действием я могу открыть выход накопившему силы потоку, и знак на пути, обращенный мною на преодоление, отделяет волокна слипшегося молчания одно за другим, разворачивая вдали поворот, хлынувший, наконец, и ушедший в стихию.

2.

ВОЗМОЖНОСТЬ СЛЕДУЮЩЕГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ПОЭЗИИ ДЕЙСТВИЯ
УВЕЛИЧИВАЕТСЯ
В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ
МАТЕРИАЛОВ
К ЭТОМУ ПРОИЗВЕДЕНИЮ

ПОЭЗИЯ ДЕЙСТВИЯ, объект, 1988

Литература

Бугаянко П.А. Константин Федкин. Личность и творчество
Саратов. 1980

Творчество Константина Федкина. М., Наука. 1966

Советские писатели. Ч. ГИЛ. 1959; стр.566

Волга. 1967; №2

ИЗЕРСКАЯ
КАЗАНСКАЯ
КУРСКАЯ
ПАВЛОВСКАЯ
САВЕЛ.

Разворот из книги ПЕЩЕРИСТОЕ ТЕЛО -И, 1984

Общая иллюстрация
к "Каширскому шоссе"

Общая иллюстрация к «КАШИРСКОМУ ШОССЕ», 2008

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ № 8, 1999
(коробка забита покет-буками «Русский бестселлер» 90-х годов)